

Славяно-русские древности

В. В. Седов

Анты

Анты упоминаются в письменных источниках VI и VII столетий. Из них очевидно, что этим этнонимом называлась одна из группировок славянских (венедских) племен. Иордан сообщает, что венеды, расселившись на обширных пространствах, разделились на три части «и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов»¹. В освоении Балканского полуострова участвовали две из этих трех славянских группировок, поэтому в сочинениях византийских авторов содержатся сведения только о славянах и антах².

Согласно Прокопию Кесарийскому, анты и славяне пользуются одним языком, у них одинаковый быт, общие обычаи и верования, и «некогда даже имя у славян и антов было одно и то же»³. Однако из сведений византийских историков видно, что различия между славянами и антами не сводятся к чисто территориальным. Анты неоднократно называются наравне с этническими группировками того времени — гуннами, утигурами, мидянами и др. Византийцы различают славян и антов даже среди наемников империи (например, «Дабрагаст, родом ант»). Анты и славяне — отдельные племена, имевшие собственных вождей, свое войско и ведущие самостоятельную политическую деятельность. По-видимому, различия между славянами и антами носили этнографический характер, а в языковом отношении не выходили за рамки диалектной дифференциации.

По Иордану, анты занимали пространство «от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину»⁴. Географические сведения Прокопия Кесарийского об антах расплывчаты. Он сообщает, что анты обитали между Дунаем и утигурами, жившими по побережью Азовского моря (Меотийского озера)⁵. Противоречия между сведениями этих историков нет. Междуречье Днестра и Днепра является срединной, основной частью пространства между Нижним Дунаем и областью расселения тюркоязычных племен в Приазовье.

¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. М., 1960, с. 90.

² Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. — ВДИ, 1941, № 1, с. 233—280.

³ Мишулин А. В. Древние славяне..., с. 237.

⁴ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 72.

⁵ Мишулин А. В. Древние славяне..., с. 234—242.

Попытки разобраться в том, какую часть славянства составляли анты и какова их роль в славянском этногенезе, предпринимались неоднократно. Письменные источники не дают ответа на эти вопросы. В результате в историко-лингвистической литературе были высказаны по этому поводу самые различные мнения. Значительная часть исследователей (А. А. Погодин, А. А. Шахматов, Ю. В. Готье и другие) склонны были видеть в антах восточных славян середины I тысячелетия н. э. По А. А. Шахматову, анты — первый этап в истории русского племени. В результате распада антского единства возникают восточнославянские племена, названные в Повести временных лет⁶. Л. Нидерле, А. А. Спицын и многие другие считали, что анты составляли только южную часть восточных славян, которую историки определяли самым различным образом⁷. В западноевропейской литературе было распространено мнение, по которому деление на славян и антов отражает членение праславянского языка на западную и восточную ветви⁸. В настоящее время все эти предположения имеют чисто историографический интерес, поскольку археологами собраны значительные материалы, позволяющие осветить многие вопросы из истории антов довольно конкретно.

В 20-х годах А. А. Спицын предложил считать антскими древности VI—VII вв., известные по среднеднепровскимкладам и случайным находкам⁹. В работе Б. А. Рыбакова «Анты и Киевская Русь» предпринята попытка охарактеризовать историю антов по археологическим данным¹⁰. Это было выполнено на материалах роменских городищ, относящихся к VIII—X вв., поскольку славянские древности VI—VII вв. в Северном Причерноморье в 30-е годы еще не были выявлены.

Славянские древности VI—VII вв. в настоящее время известны на обширных пространствах Средней и Восточной Европы — от Эльбы на западе до Днепра на востоке и от побережья Балтийского моря на севере до Балканского полуострова на юге. В зависимости от керамического материала и типов домостроительства эти древности подразделяются на несколько локальных групп, по-видимому, соответствующих диалектно-этнографическому членению славянства этого времени.

В юго-восточной части славянского региона, как раз там, где письменные источники локализируют антов, выявляется группа памятников, характеризующаяся глиняной посудой пеньковского типа (рис. 1). Они известны главным образом по Днепру и его притокам на участке от устья Роси до Запорожья, в бассейне Южного Буга и в междуречье Днестра и Пру-

⁶ Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, с. 6—14; Георгиев В. Венети, анты, склавены и триделение на славянские языки. — «Славистический сборник». София, 1968, с. 5—12.

⁷ Грушевский М. Анти («Avrai, Antes»). Уривок з історії України — Руси. — «Записки наукового товариства імені Шевченка», т. XXI, кн. 1. Львів, 1898, с. 1—16; Спицын А. А. Русская историческая география. Пг., 1917, с. 18; Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, с. 139—141; Трегьяков П. Н. Анты и Русь. — СЭ, 1947, № 4, с. 71—83.

⁸ Zeuss K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837, S. 602—604.

⁹ Спицын А. А. Древности антов. — «Сборник Отделения русского языка и словесности АН СССР», т. CI, 1928, с. 492—495.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. — ВДИ, 1939, № 1, с. 319—337.

та. Наиболее значительные исследования этих древностей принадлежат П. И. Хавлюку¹¹, Д. Т. Березовцу¹², В. П. Петрову¹³ и И. А. Рафаловичу¹⁴.

Поселения с керамикой пеньковского типа — селища, расположенные в долинах мелких рек и ручьев и на останцах или участках пологих берегов. Для поселений выбирались места, не требовавшие сооружений искусственных укреплений. Реки, леса и болота служили естественной защитой и делали поселения труднодоступными для противника. Рассказывая о славянах и антах, византийский писатель Маврикий сообщает, что «они селятся в лесах, у неудобнопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что естественно, опасностей»¹⁵.

Основным типом жилища на рассматриваемых поселениях была полуземлянка в плане близкая к квадрату. Площадь жилищ колеблется от 6 до 20 кв. м. Исследователями отмечена тенденция к увеличению площади жилищ со временем. Глубина котлованов полуземлянок различна: от 0,3—0,4 до 1,0—1,2 м. Стены домов были облицованы деревом и имели столбовую или срубную конструкцию: более ранние жилища — столбовую, поздние — преимущественно срубную. Печь-каменка занимала один из углов жилища. Для ранних жилищ характерно размещение печи в одном из углов близ северной стенки полуземлянки, позднее эта закономерность нарушается.

Полуземлячные жилища поселений с пеньковской керамикой по своему строению и интерьеру сходны с жилыми постройками другой славянской группировки, которой свойственна керамика пражского типа¹⁶.

На поселениях пеньковского типа встречаются и хозяйственные постройки, углубленные в землю. В отличие от жилищ, они не имели печей-каменок. Для некоторых хозяйственных построек характерны центральные опорные столбы, а в отдельных сооружениях прослежены угольно-зольные очажные пятна. Изредка встречаются и жилые полуземлянки с опорным столбом в середине.

На некоторых поселениях, расположенных на окраинах ареала исследуемой славянской группировки, открыты жилища иных типов. Так, на селище Стецовка одно из жилищ представляло собой наземное сооружение диаметром 6—7 м, окруженное неглубокой канавкой¹⁷. На поселении Луг 2 раскопана постройка в виде эллипсоидного углубления разме-

¹¹ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья.— СА, 1963, № 3, с. 187—201; он же. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга.— МИА, № 108, 1963, с. 320, 350; он же. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга.— В кн.: «Раннесредневековые восточнославянские древности». Л., 1974, с. 181—215.

¹² Березовец Д. Т. Поселения улочей на р. Тясмине.— МИА, № 108, 1963, с. 145—208.

¹³ Петров В. П. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н.э. (по материалам раскопок 1956—1958 гг. в Потясминье).— МИА, № 108, 1963, с. 209—233.

¹⁴ Рафалович И. А. Славяне VI—IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972.

¹⁵ Мишулин А. В. Древние славяне..., с. 253.

¹⁶ Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972.

¹⁷ Петров В. П. Стецовка..., с. 216.

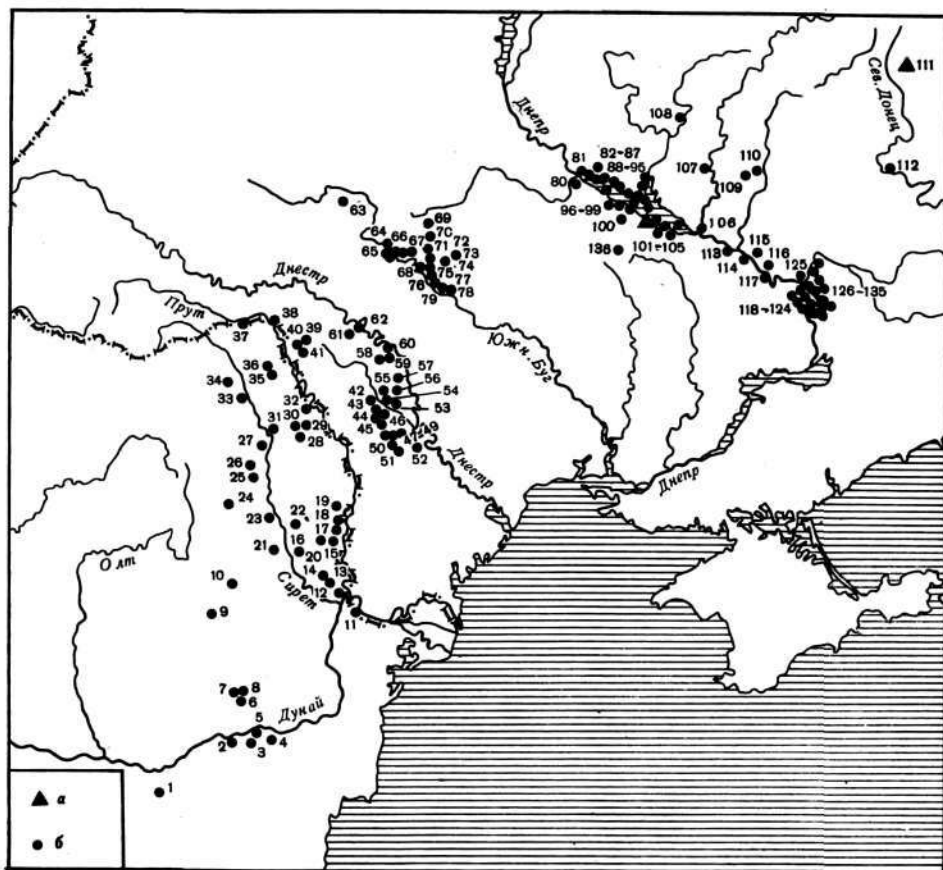
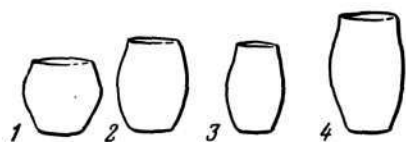

Рис. 1. Распространение памятников пеньковского типа

а — могильник; б — поселение
 1 — Стублата; 2 — Юрта; 3 — Момчил; 4 — Опашката; 5 — Дреджови-Лозя; 6 — Кымпул-Божа; 7 — Страулешти-Лунка; 8 — Кацелу-Ноу; 9 — Тыргшор; 10 — Сарата-Монтеору; 11 — Диногения; 12 — Галати; 13 — Мовилени; 14 — Бырлад; 15 — Вэдени-Мургени; 16 — Бырлялешти; 17 — Витчани; 18 — Будешти; 19 — Дэнешти; 20 — Хоргешти; 21 — Рэдени; 22 — Прэиешти; 23 — Секиени; 24 — Хангу; 25 — Цивукани; 26 — Тырпешти; 27 — Сэвэабни; 28 — Яссы-Крицеа Луи Ференц; 29 — Яссы-Киртеа Домнеасча; 30 — Редиу-Митрополией; 31 — Костешти; 32 — Циринцени; 33 — Удешти; 34 — Вотошана; 35 — Стинцешти; 36 — Кикорэни-Ипотешти; 37 — Ибэнешти; 38 — Перерыга; 39 — Новые Братушаны; 40 — Хуча; 41 — Старые Малаешты; 42 — Реча; 43 — Скорчены; 44 — Вранешты XIII; 45 — Вранешты I; 46 — Старый Орхей; 47—49 — Ханска I—III; 50, 51 — Костешты I и III; 52 — Кубусна-Века; 53 — Снок; 54 — Селиште I; 55 — Цыганка; 56 — Петруха; 57 — Лопатна; 58 — Глилены; 59 — Алчедар; 60 — Одая; 61, 62 — Сороки I и II; 63 — Сандраки; 64 — Соколец; 65 — Никифоровцы; 66 — Семенки; 67 — Самчичи; 68 — Шуровцы; 69 — Голики; 70 — Косано-Трубочна; 71 — Куяка; 72 — Ярмолинцы; 73 — Кочуров; 74 — Куяка; 75 — Губник; 76 — Кисляк; 77 — Лоджжи; 78 — Схибиинцы (Мытгов); 79 — Тростянец; 80 — Крешатиак; 81—83 — Доманово; 84 — Коробкова; 85 — Мойсинцы; 86 — Мельники; 87 — Васотинцы; 88, 89 — Крутьки I и II; 90 — Самовица; 91 — Котлов; 92 — Иршеш; 93 — Степовка; 94 — Жовнин; 95 — Миклашевский; 96, 97 — Лоавик I и II; 98 — Ломоватое; 99 — Субботин; 100 — Большая Андрусовка; 101 — Большая Андрусовка (Каменоватое); 102 — Большая Андрусовка (Чаплин); 103 — Пеньковка (Макаров Остров); 104 — Пеньковка (Молочарня); 105 — Пеньковка (Луг I и II); 106 — Радучковка; 107 — Писаревщина; 108 — Сенча; 109 — Демидовка; 110 — Полтавцы; 111 — Дмитровское; 112 — Задонецкое; 113 — Деревка; 114 — Бородаевка; 115 — Радянская; 116 — Яковлевка; 117 — Череч; 118 — Звонецкое (остров Шулаевский); 119—122 — Волошское; 123 — Звонецкое; 124 — Звонецкое (балка Звонецкая); 125—131 — Игрень; 132, 133 — Васильева; 134 — Запорожец; 135 — Алексеевка; 136 — Дубровка; 137 — Пастырское

А Рис. 2. Горшкообразные сосуды

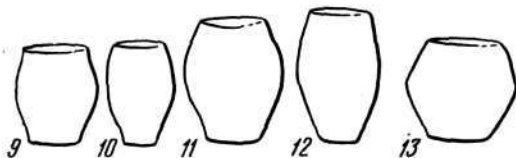
А — типа Луки-Райковецкой (1—4);

Б — пеньковские (5—13);

В — черняховские (14—18)

Б

В

1 — Киев;

2 — Червецено;

3 — Лука-Райковецкая;

4 — Шумск;

5 — Вотшана;

6 — Тыргшор;

7 — Пеньковка (Луг II);

8 — Кобусна-Века;

9, 10, 13 — Семенки;

11 — Самчицы;

12 — Стрзулешти-Лунка;

14 — Совхоз Приднепровский;

15—17 — Компанийцы;

18 — Черняхов

рами 6×5 м. В центре ее находилась столбовая яма, по краю — восемь ям¹⁸. Оба жилища по своей конструкции сходны с юртами кочевых племен, обитавших восточнее Днепра¹⁹. Очевидно, присутствие этих жилищ на пеньковских поселениях обусловлено инфильтрацией в среду антов болгаро-аланского населения. Возможно, к этому типу построек принадлежат жилища в виде неправильно-овального углубления размерами 5×4 м с очагом, исследованное в Дериевке²⁰, и овальное углубление с очагом, зафиксированное при раскопках поселения в Молочарне²¹.

Неславянскому населению принадлежат также постройки с каменными основаниями стен, исследованные на селище у балки Звонецкой²², и углубленные жилища с глинобитными стенами и полами, сложенными из глины, черепков и гальки, на поселении Жовнии²³.

¹⁸ Березовец Д. Т. Поселения уличей..., с. 166.

¹⁹ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967, с. 52—58.

²⁰ Телегин Д. Я. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г.— КСИА АН УССР, 12, 1962, с. 16.

²¹ Березовец Д. Т. Поселения уличей..., с. 150.

²² Бодянский А. В. Археологические находки в Днепровском Надпорожье.— СА, 1960, № 1, с. 274.

²³ Рутковська Л. М. Дослідження поблизу с. Жовниї Черкаської області.— В кн.: «Археологічні дослідження на Україні в 1969 р.», IV. Київ, 1972, с. 226.

Ведущей формой лепной керамики пеньковских памятников являются слабопрофилированные горшковидные сосуды с овальным или округлым туловом. Наибольшее расширение сосуда находится в средней части, горло и дно сужены (рис. 2).

Другой тип сосудов представлен биконическими горшками с резким или скругленным ребром, приходящимся на середину. Среди них есть сосуды с короткой отогнутой шейкой и без шейки.

Почти на всех поселениях пеньковского типа встречаются глиняные сковородки и немногочисленные миски.

Сосуды пеньковских памятников, как правило, толстостенны, с примесью дресвы и шамота, поверхность их неровная, иногда шероховатая. Орнамента на сосудах нет. Лишь в виде исключений встречаются горшки с насечками по краю венчика, с налезным валиком, с налепами в виде шишечек или полумесяцев на тулове.

Иногда на поселениях пеньковского облика встречается глиняная посуда и иных типов. Поскольку на пеньковских памятниках она имеет ограниченное распространение, а основные ареалы таких типов связаны с инокультурными древностями, их нельзя считать характерными для исследуемой группировки славян. Так, на некоторых пеньковских поселениях обнаружены слабопрофилированные цилиндро-конические и тюльпановидные сосуды, очень близкие глиняным сосудам, распространенным на памятниках третьей четверти I тысячелетия н. э. в Верхнем Поднепровье (древности типа Тушемли — Банцеровщины — Колочина)²⁴.

На памятниках пеньковского облика встречается также гончарная керамика пастырского типа — сосуды с округлым туловом и с орнаментом из пролощенных полос, а иногда и амфоры. Эта серая посуда составляет очень небольшой процент, а на многих пеньковских поселениях отсутствует. Так, на селище Селиште в Молдавии на ее долю приходится 0,4% всего керамического материала, в Ханске — 3,3%²⁵. В Поднепровье процент гончарной керамики на некоторых поселениях повышается до 5 (Луг 1) и 5,8 (Макаров Остров)²⁶. Около с. Федоровка в Запорожской обл., у с. Алексеевка Днепропетровской обл. и на Пастырском городище открыты гончарные горны для производства этой керамики²⁷. Распространение ее на пеньковских поселениях было результатом торговых связей, и только на памятниках Поднепровья, где встречены неславянские жилища, гончарная керамика может быть связана с аланским и болгарским населением.

Вполне очевидно, что керамика пастырского типа никак не может служить этническим признаком для пеньковских поселений. Поэтому нельзя согласиться с М. И. Артамоновым, полагавшим, что памятники типа

²⁴ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 48—53.

²⁵ Рафалович И. А. Раскопки раннеславянского поселения VI—VII вв. у села Селиште.— В кн.: «Археологические исследования в Молдавии в 1968—1969 гг.». Кишинев, 1972, с. 126; *он же*. Поселение VI—VII вв. у с. Ханска.— КСИА, 113, 1968, с. 100.

²⁶ Березовец Д. Т. Поселения уличей..., с. 189.

²⁷ Брайчевська А. Т. Розкопки гончарського горна в балці Канцирка в 1955 р.— «Археологія», XIII. Київ, 1961, с. 114—118; *она же*. Поселение у балки Яцевої в Надпорожжє.— МИА, № 108, 1963, с. 278.

Пеньковки оставлены одной из болгарских племенных групп — кутригурами²⁸. В равной степени не может быть принято предположение П. Н. Третьякова о сложении пеньковской культуры в результате расселения в междуречье Днестра и Днепра славянских племен из областей Верхнего Поднепровья, основанное на сходстве отдельных форм пеньковской керамики с верхнеднепровскими сосудами²⁹.

Металлические предметы на пеньковских поселениях немногочисленны. Среди них есть украшения — пальчатые и зооморфные фибулы, браслет с утолщенными концами, пряжки и фигурные бляшки от пояса, серьги пастырьского типа, проволочные спиральные височные кольца, бронзовая фигурка льва, — позволяющие уверенно датировать пеньковские древности VI—VII столетиями. Имеются основания предполагать, что возникновение пеньковской культуры относится к V в. Так, на селище Куня найдена железная двучленная фибула позднего арбалетного типа, характерная, по мнению П. И. Хавлюка, для IV—V вв.³⁰ Из поселения Жовнин происходит туалетная костяная ложечка, относящаяся, судя по северокавказским аналогиям, ко второй половине IV—V в.³¹ По-видимому, в пользу этого говорят и находки черняховской керамики на некоторых пеньковских поселениях (Жовнин, Полтавцы и др.).

На западе основной регион пеньковских памятников ограничивается течением р. Прут. Однако пеньковские древности VI—VII вв. встречаются и далее на юго-запад, вплоть до поречья Нижнего Дуная. Славянские памятники этого времени известны в Молдове, Северо-Восточной Мунтении, Добрудже и в придунайских районах Болгарии³². Для поселений характерны полуземляночные жилища с печами-каменками или очагами, выложенными из камней того же типа, что и в пеньковских селищах. Наиболее распространенной здесь формой лепной керамики является округлободий горшок с наибольшим расширением в средней части — ведущий сосуд пеньковской культуры. Биконические сосуды в этом регионе встречаются заметно реже, чем в междуречье Днестра и Днепра³³.

Существенная особенность славянских памятников Нижнего Подунавья заключается в том, что здесь наряду с керамикой пеньковского об-

²⁸ Артамонов М. И. Этническата принадлежност и историческото значение на пастирската култура.— «Археология». София, 1969, № 3, с. 1—9.

²⁹ Третьяков П. Н. О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях Верхнего Поднепровья.— СА, 1965, № 4, с. 63—77.

³⁰ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга, с. 188.

³¹ Рутковська Л. М. Дослідження..., с. 224.

³² Cotşa M. Slăviile pe teritoriul RPR în secolele VI—IX în lumina cercetărilor arheologice.— SCIV, XI, 1960, N 1, p. 65—80; *idem*. Contributions à la question de la pénétration des Slaves en sud du Danube durant les VI—VII siècles d'après quelques données archéologiques de Dobroudja.— In: «I Międzynarodowy kongress archeologii słowiańskiej», III. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, s. 322—330; Barnea J. L'incendie de la cité Dinogetia au VI siècle.— «Dacia», X, 1966, p. 251—259; Teodor Dan Ch. Les plus anciens Slaves dans l'Est de la Roumanie.— In: «Berichte über den II. Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie», III. Berlin, 1973, S. 201—211; Въжарова Ж. Н. Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI—XI век. София, 1965.

³³ Teodor Dan Ch. Unele probleme privind evoluția culturii materiale din Moldova în secolele VI—X.— «Carpica», II, 1969, fig. 18, 3.

лика обычно встречаются лепные горшки пражского типа. Они есть также на поселениях культуры Ипотешти-Кындешти (Чурел)³⁴, включившей несколько элементов — дако-римские и славянские. Керамика пражского типа, как уже отмечалось, принадлежала не антам, а иной праславянской группировке. В письменных источниках VI—VII вв. она, по всей вероятности, именовалась славянами (склавенами)³⁵.

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют, что на Нижнем Дунае анты встречались со славянами и частично перемешались с ними. Интересная попытка восстановить картину заселения разноплеменными славянскими группами восточной части Балканского полуострова принадлежит румынской исследовательнице М. Комше³⁶. Византийские авторы VI—VII вв. сообщают о таком же взаимодействии славян и антов в области Истра — Нижнего Дуная³⁷.

На юго-востоке ареал пеньковских памятников кончается на р. Орель³⁸. Севернее, в днепровском лесостепном левобережье, отдельные поселения пеньковского типа открыты в среднем течении Сулы, Псла и Ворсклы на Полтавщине³⁹. Еще восточнее селища с пеньковской и салтовской керамикой выявлены на Северном Донце⁴⁰. В салтовском могильнике близ с. Дмитровка на р. Короча в бассейне Северского Донца найдено несколько трупосожжений в пеньковских сосудах⁴¹. На основной территории распространения пеньковской культуры могильники известны пока только недалеко от впадения в Днепр Тясмина в окрестностях с. Великая Андрусовка⁴². Обряд погребения — трупосожжение. Остатки кремации помещены в ямки или урны, поставленные в такие же ямки.

Два важнейших признака культуры пеньковского типа — керамика и домостроительство — позволяют искать ее истоки в черняховских древностях. Ни в одной из синхронных культур на соседних территориях нет керамического комплекса, подобного пеньковскому. Округлобокие сосуды с максимальным расширением примерно посредине высоты, очень близкие к ведущему типу пеньковских горшков, широко представлены на памятниках черняховской культуры. Лепные сосуды этого типа являются одной

³⁴ *Teodorescu V.* Despre cultura Ipotești-Cindești in lumina cercetarilor arheologice din nord-estul Munteniei.— SCIV, XV, 1964, N 4, p. 485—504.

³⁵ *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 68; *Kurnatowska Z.* Die «Slaveni» im Lichte der archäologischen Quellen.— «Archaeologia Polona», XV, 1974, s. 51—66.

³⁶ *Comşa M.* Directions et étapes de la pénétration des Slaves vers la péninsule Balkanique aux VI—VII siècles (avec un regard special sur le territoire de la Roumanie).— «Balcano-Slavica», I, 1973, p. 9—28.

³⁷ *Мишулин А. В.* Древние славяне..., с. 236, 241, 273.

³⁸ *Рутковская Л. М.* Исследования раннесредневековых памятников на р. Орель в 1968 г.— В кн.: «Археологические исследования на Украине в 1968 г.», III. Киев, 1971, с. 47—49.

³⁹ *Горюнов Е. А.* Некоторые вопросы истории днепровского лесостепного левобережья в V — начале VIII в.— СА, 1973, № 4, с. 99—112.

⁴⁰ *Горюнов Е. А.* Некоторые вопросы..., с. 106.

⁴¹ *Плетнева С. А.* Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья.— В кн.: «Новое в археологии». М., 1972, с. 108—118.

⁴² *Березовець Д. Т.* Могильники уличів у долині р. Тясмину.— В кн.: «Слов'яно-руські старожитності». Київ, 1969, с. 58—70.

из самых распространенных форм черняховской керамики и известны почти во всех регионах этой культуры — в Поднепровье⁴³, Приднестровье⁴⁴, Молдавии⁴⁵, на Южном Буге⁴⁶. Встречены на черняховских памятниках и лепные сосуды, имеющие биконическое тулово, но в сравнительно небольшом количестве⁴⁷. Очевидно, можно утверждать, что исходные формы пеньковской керамики находятся в черняховской глиняной посуде.

Жилища-полуземлянки, характерные для поселений типа Пеньковки, своими корнями восходят опять-таки к черняховскому домостроительству. Углубленные жилища черняховской культуры разнохарактерны по всем своим деталям. Наиболее часто встречаются четырехугольные полуземлянки, обычно овальные и трапециевидные полуземлянки и землянки. Площадь их колеблется от 9 до 38 кв. м, глубина котлована 0,35—2 м. Стены построек устраивались или из горизонтальных плах, концы которых зажимались угловыми стояками, или из хвороста, обмазанного глиной. Кровля держалась на угловых столбах, а иногда еще ставился столб посредине жилища. В одних постройках для отопления сооружался очаг — яма, подмазанная глиной, в других — печи из глины, реже из камней. Какой-либо закономерности в расположении очагов и печей внутри жилищ не выявляется. Разнотипность черняховских полуземлянок, по всей вероятности, свидетельствует о том, что в тот период такой тип жилищ только зарождался.

Углубленные жилища в черняховском ареале сконцентрированы в основном в регионе между верхними течениями Днестра и Буга и поречьем Днепра. Для других регионов более характерны жилые постройки иных типов. Из многих типов углубленных построек, свойственных черняховской культуре, к середине I тысячелетия н. э. вырабатывается единый — прямоугольная полуземлянка с печью в углу. Анализ археолого-антропологических материалов из того региона черняховской культуры, где были распространены углубленные жилища, позволяет говорить о преобладании здесь уже в III—IV вв. славянского населения⁴⁸. В. Д. Баран пытается показать, что все славянские полуземлянки третьей четверти I тысячелетия н. э. ведут начало от черняховского домостроительства⁴⁹.

⁴³ Симонович Э. А. Лепная керамика памятников черняховской культуры Нижнего Днепра. — КСИИМК, 68, 1957, с. 15, рис. 5, 1, 2, 4, 6, 7.

⁴⁴ Баран В. Д. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межах річки Дністра і Західного Бугу. — В кн.: «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», 3. Київ, 1961, с. 77—87.

⁴⁵ Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. — МИА, № 89, 1960, с. 119—122.

⁴⁶ Кравченко Н. М. Косановский могильник (по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961—1964 гг.). — МИА, № 139, 1967, с. 105, 106.

⁴⁷ Симонович Э. А. Лепная керамика..., с. 15, рис. 5, 8; Кравченко Н. М. Косановский могильник..., табл. VI, 2, и др.

⁴⁸ Седов В. В. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья. — СА, 1972, № 4, с. 116—129; он же. Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии). — СЭ, 1974, № 1, с. 16—31.

⁴⁹ Baran V. D. Siedlungen der Cernjachov-Kultur am Bug und oberen Dnestr. — «Zeitschrift für Archäologie», 1973, N 1, S. 24—66.

Иордан говорит об антах, не только описывая историческую ситуацию первой половины VI в., но и в связи с событиями IV столетия. Уже тогда, когда готы подчинились гуннам, сообщает этот автор, Винитарий вторгся в землю антов. Вначале он был побежден антами, но потом осилил их, расправ для устрашения антского короля Божа с сыновьями и старейшинами⁵⁰.

Нет решительно никаких оснований отождествлять с антами все черняховское население. По-видимому, анты занимали лишь лесостепную часть междуречья Днестра и Днепра, где выделяется среднеднепровский вариант черняховской культуры⁵¹. Если это так, то анты — племенная группировка славян, сформировавшаяся в результате взаимодействия с субстратным иранским населением Северного Причерноморья. К тому же, и сам этноним анты скорее всего принадлежит к иранизмам. По-видимому, это было не самоназвание славянской племенной группировки. Поэтому в VII—VIII вв., когда потомки антов расселились на широких просторах Юго-Восточной Европы, этот этноним был забыт.

Славянская принадлежность древностей пеньковского типа обосновывается непосредственной генетической преемственностью их с памятниками славян VIII—IX и последующих веков. Полуземляночные жилища того же типа, что и на пеньковских поселениях, получили распространение в конце I и начале II тысячелетия н. э. среди многих славянских племен Юго-Восточной Европы. Ведущий сосуд пеньковских древностей — округлобокий горшок с наибольшим расширением в средней части — явился исходной формой для керамики ряда славянских культур VIII—X вв. Глиняная посуда, продолжающая традиции этих пеньковских сосудов, составляет часть керамики типа Луки-Райковецкой⁵² и обычна для памятников Нижнего Подунавья⁵³. Дунайская и потисская глиняная посуда, сменившая в VII в. на среднедунайских территориях пражскую, имеет близкий облик и те же пропорции. Я. Айснер полагает, что эта керамика ведет начало от нижнедунайской посуды, характерной как для автохтонного, дако-римского, так и для славянского населения⁵⁴. В таком случае можно предполагать, что потомки пеньковского населения, наряду с другими славянскими племенами, расселились также на территории Словакии, Моравии и Югославии.

⁵⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 115.

⁵¹ Седов В. В. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья, с. 116—129.

⁵² Гончаров В. К. Лука-Райковецкая. — МИА, № 108, 1963, с. 283—319, рис. 7; Шовкопляс А. М. Славянская керамика VII—IX вв. из Киева. — КСИА АН УССР, 8, 1959, с. 169—172; Мезенцева Г. Г. Канівське поселення полян. Київ, 1965, с. 71—98.

⁵³ Выжарова Ж. Н. Памятники Болгарии конца VI—XI в. и их этническая принадлежность. — СА, 1968, № 3, с. 148—159.

⁵⁴ Eisner J. Devinska Nova ves. Bratislava, 1952, s. 248—278.